



Протоиерей **БУФЕЕВ** о **КОНСТАНТИН** **эволюционизма, гуманизма и** **экуменизма** **триединстве**



Легко видеть, что в ученых в данном случае говорит вера в эволюцию как всеобщий закон, определяющий все явления и процессы мировой жизни, в том числе процессы идей философских и религиозных. Появление какой бы то ни было идеи «из ничего», без предшествовавших фазисов развития, непредставимо уму, проникнутому верой во всеобщность закона эволюции.
Л. А. Тихомиров [1].

На первый взгляд может вызвать недоумение, почему три понятия, вынесенные в заглавие, поставлены в один ряд. Что же близкого у этих явлений, относящихся к разным жанрам человеческой деятельности?

Эволюционизм — учение о постепенном развитии мира от первоначального

примитивного состояния к более сложному, совершенному и разнообразному.

Гуманизм — мировоззрение, согласно которому человек является высшей ценностью и мериллом всего, так что его права и интересы следует всегда и во всем ставить на первое место.

Экуменизм — распространившееся среди некоторых верующих людей стремление к всемирному объединению существующих религиозных конфессий при игнорировании догматических различий в вероучениях.

Говоря иначе, *эволюционизм* представляет собой определенное мировоззрение, выражающее взгляд на живую и неживую природу, содержит в себе принципиальное отношение к началу материальному или физическому.

Гуманизм в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова определяется как «человечность» либо как «прогрессивное движение эпохи Возрождения, направленное к освобождению человека от идейного закрепощения времен феодализма». Последнюю фразу можно понимать как «освобождение от ига христианства» и вообще от всякой религиозной традиции. Во всяком случае, **гуманизм представляет собой систему взглядов на человека как на существо душевное.**

Апологеты экуменизма рассматривают различные религиозные объединения, называемые ими «церквами», как общественные организации, из чего выводится «естественная» возможность церковного разделения и объединения, нового зарождения и умирания, разветвления. При этом следует заметить, что экуменисты рассматривают «церкви» в аспекте социальном не потому, что им этим удастся отразить истину, но *в силу своей ограниченности и неспособности судить о духовном. Тема же о Церкви Христовой несомненно представляет собой предмет духовный.* Экуменисты сами невольно подтверждают это, когда постоянно заводят речь о Боге, молитве, спасении и прочих духовных вещах.

Общим у трех рассматриваемых нами понятий следует признать то, что они представляют собой **подмену традиционного отношения христианина к бытию — к миру, человеку, Церкви.** Все три понятия являются искажением православного взгляда на физическое, душевное и духовное начала, существующие в творении. **Принятие эволюционизма, гуманизма**

и экуменизма заставляют отказаться от содержания апостольской трихотомии: тело — душа — дух (1 Сол. 5, 23) и переосмысливать церковное учение, перекраивая его по безбожным законам века сего. Эти мировоззрения не укоренены в библейском Откровении, не освящены святоотеческим Преданием, являются **богоборческими по своей сути**.

В самом деле, изначально в Церкви исповедовался библейский креационизм, то есть учение о шестидневном творении Богом мира согласно Моисееву Пятикнижию: *И соверши Бог в день шестой дела Своя, яже сотвори* (Быт. 2, 2). Все дошедшие до нас древние христианские толкования шестоднева понимают дни творения буквально. Преподобный Ефрем Сирийский писал: «Никто не должен думать, что шестидневное творение есть иносказание; непозволительно также говорить, будто бы, что по описанию сотворено в продолжение шести дней, то сотворено в одно мгновение, а также будто бы в описании сем представлены одни наименования, или ничего не означающие, или означающие нечто иное» [2]. В книге «Шестоднев против эволюции» [3] показано, что в учении эволюционизма это традиционное церковное представление **подменяется** вполне **языческой** точкой зрения, согласно которой миром правит Эволюция как движущая сила. В представлении эволюционистов **не Бог** является свободным и разумным Творцом, создавшим мир в его разнообразии, но эту функцию выполняет эволюция.

Библия говорит о мгновенном творении мира, жизни и человека: *Той рече — и быша, Той повеле — и создашася* (Пс. 32, 9). Эволюционисты утверждают, что развитие биологических видов происходило миллионы и миллиарды лет: «Той повеле — и эволюционировашася». Библия говорит об одновременном появлении всех растений на земле в третий день, потом о таком же внезапном появлении всех тварей из воды в пятый день, а затем об аналогичном появлении сухопутных животных по слову Божию в шестой день. Так писал об этом святитель Василий Великий [4] и согласно с ним все Святые Отцы. Эволюционизм взамен этого предлагает теорию, согласно которой время творения исчисляется не днями, а астрономическими и геологическими эпохами, в которые якобы действует Бог — а на самом деле никакой **не Бог, Творец Неба и земли, а лишь законы мира**, обусловленные механизмом эволюции. Если, как в интерпретации «телеологического эволюциониста» Т. Шардена, о Боге и заходит речь, то

это, совершенно очевидно, не Всемогущий Вседержитель, творящий свободно мир по Своему замыслу и разуму, а какой-то малахольный божок-инвалид, стрелочник Великой эволюции.

В отличие от православной традиции, гуманизм рассматривает человека как существо душевное. *«Душевен же человек не приемлет яже Духа Божия, юродство бо ему есть, и не может разумети зане духовне востязуется»* (1 Кор. 2, 14). Святоотеческая антропология утверждается на библейском основании и сводится к тому, что Адам сотворен по образу и подобию Божию и после грехопадения искуплен святой Кровью воплотившегося Сына Божиего на голгофском Кресте. Гуманистическое мировоззрение совершенно обходит вопросы о создании человека из праха земного по образу Создателя и о восстановлении нашей падшей греховной природы добровольной жертвой Иисуса Христа. Гуманизм *вовсе не упоминает о Творце и Искупителе.* Сербский богослов преподобный Иустин (Попович) дает такую оценку сущности европейской культуры: *«Человеком исчерпывается ее программа и цель, ее средства и содержание. Гуманизм является ее главным архитектором, вся она построена на софистическом принципе: человек есть мера всех вещей, и к тому же это — европейский человек. Он — верховный соиздатель и распределитель ценностей. Истина — это то, что он провозглашает истиной; смысл жизни — то, что он считает смыслом жизни; добро и зло — то, что он считает добром и злом»* [5].

Гуманизм отменяет православное учение о синергии Бога и человека, подменяет смиренное христианское мировоззрение дерзкой безбожной философией во множестве ее модификаций.

Экуменизм то же самое делает с православным представлением о Церкви, что эволюционизм — с учением о творении и гуманизм — с учением о человеке. *В Православии сохранено апостольское учение о единственности Церкви как тела Христова: Тело Его, еже есть Церковь (Кол. 1, 24).* При этом *Единый Господь есть Единый Глава единой Своей Церкви.* Экуменизм искажает учение Церкви о самой себе, о ее божественном происхождении, о ее особом положении в мире и исходит из того, что якобы существует множество равноправных «церквей», призванных вести между собою конструктивный диалог на равных. Такие «церкви-сестры» могут разделяться и объединяться по произвольному желанию людей, им принадлежащих. Экуменический взгляд воспринимает Церковь как одну из

множества социальных, национальных, общественных и подобных корпораций. Такой взгляд, очевидно, игнорирует православное представление о том, что *Церковь есть не человеческое, а богочеловеческое установление*. Она родилась сошествием Святого Духа на апостолов в сионской горнице в виде огненных языков (см.: Деян. 2 гл.). Она есть единая Невеста Единого Жениха Христа, как сказано было в Откровении ангелом: *Гряди, покажу ти Невесту Агнчу жену* (Апок. 21, 9). *Наше пребывание в Церкви не описывается законами мира сего, и сама Церковь не от мира сего*. Экуменизм исповедует вполне земное представление о Церкви, которое в корне противоречит православной вере в Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Дело Божие подменяется человеческим рассуждением о нем.

Мы видим, что **эволюционизм, гуманизм и экуменизм являются тремя главными проявлениями апостасии**. В них находит выражение всякое отступление от апостольского святоотеческого учения: в эволюционизме — о мире как Божьем творении; в гуманизме — о человеке как особом творении, созданном по образу и подобию Божию; в экуменизме — о Церкви как новом богочеловеческом творении. Все эти три духовных явления, каждое в своей сфере, бросают вызов Богу, пытаются упразднить, умалить Его, бороться с Ним.

Во всех трех случаях значение Бога принижается так, что Творец в представлении людей становится вовсе ненужным. Как справедливо заметил Л. А. Тихомиров, *«преувеличенное понятие о значении человека рождается при всяком принижении понятия о Божестве и доходит до максимума, если значение Бога доходит до нуля»* [6]. В трех рассматриваемых нами мировоззренческих системах присутствует **не просто ересь, но больше, чем ересь. Здесь имеет место не какое-то частное искажение богооткровенной Истины, но ее прямое отрицание**. В этом общем своем качестве тотального богоборчества эволюционизм, гуманизм и экуменизм близки, сродны и подобны.

Невозможно назвать никаких других сопоставимых с этими тремя учениями проявлений откровенного антихристового духа. Когда *преподобный Варсонофий Оптинский* называл **эволюционизм «звериной философией»**, он был прав, но при этом его определение не в меньшей степени должно быть отнесено также к экуменизму и гуманизму. Оценка святителем

Феофаном Затворником **гуманизма как «безбожного учения»** в полной мере позволяет применить это утверждение и к эволюционизму и к экуменизму. Выражение преподобного Иустина (Поповича) о том, **что экуменизм представляет собой «ересь ересей»**, так же справедливо может быть адресовано как гуманизму, так и эволюционизму.

Поскольку все три рассматриваемых учения принижают, каждое в своей области, значение Бога, они все три в совокупности и каждое в отдельности могут быть названы **новым арианством**. Арианство, развенчанное на I Вселенском Соборе в Никее, утверждало, что Бог Отец не равен по чести и не единосущен по природе Сыну, а бесконечно далеко отстоит от Него. Новое же арианство — синтез эволюционистско-гуманистическо-экуменического псевдохристианства — утверждает, что Бог не есть непосредственный Творец ни вселенной, ни человека (венца творения), ни Церкви (нового творения). Православная Церковь поет с псалмопевцем Давидом: «Руце Твои сотвориште мя и создасте мя» (Пс. 118, 73), а эволюционисты лишают себя чести именоваться непосредственным Божиим творением. Для них ничто из существующего на Небе и на земле не является непосредственным делом рук Божиих, но представляет собой продукт бесконечной эволюции. Таким образом, они вообще лишают Господа чести именоваться Творцом. По логике нового арианства, творцом или по крайней мере демиургом должна быть признана Эволюция, которая и «создала» все видимые и невидимые формы бытия, включая Человека Разумного вместе с его социальными, в том числе церковными, структурами. Таковое учение в корне несовместимо с православной верой.

Вместе с тем следует признать совокупную гармонию в мировоззрении эволюционизма, гуманизма и экуменизма, своеобразное их триединство. Они друг друга взаимно дополняют и укрепляют. **Человек, принявший одно из учений, с логической неизбежностью должен, как естественные для себя, принять и два других.**

Эволюционист верит в то, что мир из небытия и хаоса сам пришел в состояние красоты и богатства растительных и животных форм. Тогда ничто не мешает признать, что и человек есть продукт эволюции, который в свою очередь продолжает «эволюционировать» в своем «эволюционирующем» социуме. «Прозэволюционировав» до своего современного состояния, человеку должно быть естественно свои собственные эгоистические, то есть

гуманистические, принципы (не обезьяньи же, не кистеперо-рыбьи и не сине-зелено-водорослевы!) ставить во главу угла. Принятие философии гуманизма становится неизбежно. Наряду с этим «эволюционирующее» от первобытного состояния общество, достигшее в своем развитии «христианского» или «постхристианского» (и такое ведь слово встречается в либеральной печати!) уровня, вполне естественно описывать схемой наподобие протестантской «теории ветвей». Таким образом, из эволюционизма, наряду с гуманизмом, органично вытекает и экуменизм. Убедительно писал об этом преп. архимандрит Иустин (Попович): «В этом земном мире «эволюции» все естественно, нет места греху. Поэтому и излишне говорить о Спасителе и спасении от греха. В конечном счете все естественно: и грех, и зло, и смерть. Ибо если все приходит к человеку и дается ему через эволюцию, тогда что нужно спасать в нем, поскольку нет в нем ничего бессмертного и непреходящего, а все это от земли, земное, земляное и как таковое — преходящее, тлеющее, смертное. В таком мире «эволюции» нет места и Церкви, которая есть Тело Богочеловека Христа. Та теология, которая свою антропологию основывает на теории «научной» эволюции, есть не что иное, как противоречие в определении. На самом деле, это теология без Бога и антропология без человека. Если **человек** — не **бессмертная, вечная и богочеловеческая икона Божия**, тогда все теологии и антропологии не суть иное что, как трагические бессмыслицы» [7].

Экуменист, зацикленный на идее объединения всех религиозных конфессий в единую духовную семью, не может не быть пропитан идеями либерализма, плюрализма, духовного и нравственного релятивизма. То есть он — готовый гуманист. Если к тому же вспомнить выражение священномученика Киприана Карфагенского: «Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец», — то станет понятно, почему для него так естественно «не настаивать» на строгом православном понимании библейского Шестоднева, а исповедовать эволюционистский релятивизм. Экуменистам принадлежит эволюционистская по сути «теория развития догматов». Так экуменист всегда тяготеет к эволюционизму и гуманизму.

Гуманист уверен в том, что не Живой Бог, а человек содержит в себе смысл и критерий истины. В церковной жизни он будет видеть лишь человеческое и только человеческое. Таким образом, он естественно для себя примет лозунги экуменизма как вполне гуманные, цивилизованные и

прогрессистские. Не сможет последовательный гуманист принять и библейское свидетельство о творении мира в шесть дней. Об этом справедливо писал американский ученый-креационист Генри Моррис: «В мире реально существуют лишь две основные религии. У одной в центре Бог, у другой — человек. Итак, выбор ограничен: либо монотеистический (один Бог) креационизм, либо эволюционный (повсюду Бог) гуманизм» [8]. Итак, всякий гуманист (даже и неверующий) имеет нескрываемую симпатию к экуменизму в сфере религиозной и к эволюционизму — в сферах естественно-научной и исторической.

Вряд ли целесообразным было бы пытаться из трех рассматриваемых нами *духовных болезней* выделять одну как первичную и базовую, а две остальные выводить из нее. В философском, научном и богословском смысле эволюционизм, гуманизм и экуменизм вполне равноправны и равночестны (равнобесчестны). Когда мы читаем у преподобного Иустина (Поповича), что в экуменизме содержится «сущность всех родов гуманизма с папизмом во главе» [9], — мы соглашаемся. Но одновременно с этим мы готовы признать истинным и обратное утверждение — что в основе всякого экуменизма лежит общегуманистический принцип. Встречая оценку эволюционизма, данную иеромонахом Серафимом (Роузом), мы признаем ее справедливость: «Эволюционизм — это идеология, глубоко чуждая православному христианскому учению, и она втягивает в такое множество неверных учений и мнений, что было бы намного лучше, если бы это была просто ересь, которую можно было бы легко опознать и поразить. Эволюционизм тесно сплетен со всей *апостасийной ментальностью гнилого «западного христианства»*; он является орудием «*новой духовности*» и «*нового христианства*», в которое сатана ныне стремится погрузить последних истинных христиан» [10]. Эволюционизм, гуманизм и экуменизм могут быть уподоблены трем ядовитым плодам с одной ветви смертоносного дерева. Какой плод ни вкусишь — погибнешь.

Евангелие повествует, что Христос в пустыне был искушаем сатаной трояким образом: физическим соблазном (хлебами), душевным соблазном (чудом) и духовным соблазном (предложением поклониться диаволу). Все три искушения Спаситель преодолел как Победитель, посрамяв лукавого врага. Эти же самые три **искушения как мировоззренческие позиции**, как философско-научные и богословские концепции предлагаются современному

человеку под видом соблазнительных идей эволюционизма, гуманизма и экуменизма. Подтверждение правомочности нашего сравнения можно найти в Резолюции по вопросу «Экуменическое движение и Православная Церковь» Московского Всеправославного Совещания 1948 года, в которой главами и представителями всех автокефальных Православных Церквей было единодушно заявлено: «Создание «Экуменической церкви», как международной влиятельной силы, есть как бы падение перед искушением, отвергнутым Христом в пустыне, и уклонение Церкви на путь уловления душ человеческих во мрежи Христовы нехристианскими средствами» [11].

Соответственно, ***физическое, душевное и духовное падение совершает тот, кто принимает вместо церковного богодуховенного учения о мире, человеке и Церкви эти душепагубные мировоззрения.*** Такой человек невольно растворяет свое сознание в том, что есть *похоть плотская и похоть очима и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть* (1 Ин. 2, 16). Самое страшное заключается в том, что за внешней маской добропорядочности и в эволюционизме, и в гуманизме, и в экуменизме проглядывает откровенный звериный оскал.

Действительно, эволюционизм учит, что не Бог является непосредственным Создателем всякой твари, но будто бы виды животных происходили один из другого. Следовательно, и Человек Разумный имеет своими предками низших животных. Такое мировоззрение справедливо назвать «*научным тотемизмом*». Церковная же традиция, укорененная в Божественном Откровении, не допускает святотатственной мысли, будто Адам имел предками обезьян. Адам вообще не имел никаких «родителей», но был сотворен непосредственно Богом из праха земного: *И созда Бог человека, персть взял от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу* (Быт. 2, 7). Если далее дать развиваться эволюционистскому предположению о наличии у Адама первозданного предков среди низших животных, то неизбежно придется исповедовать прямое богохульство. По логике вещей, этих же «предков» следовало бы приписать и Сыну Человеческому, Господу нашему Иисусу Христу. Причем пришлось бы считать также, что вся эта дальняя «родня» искуплена драгоценной кровью Спасителя. Это уже самое настоящее кощунство, от которого можно лишь содрогнуться. Маска снята, и антихристова звериная морда видится во всей своей откровенной сущности.

Гуманизм в своем содержательном учении умалчивает о Живом Боге, о высоком призвании человека служить Ему, о дарованной нам чести обрести в святом Крещении благодать богосыновства. Таким образом, гуманизм ставит самого человека и «общечеловеческие ценности» на высший пьедестал, тем самым абсолютизируя нашу падшую природу. Все наши скотские страсти, греховные склонности и пороки оказываются также на этом пьедестале. Звериная личина всегда проявляется там, где стирается божественный лик.

Такого же характера духовное содержание экуменизма. Экуменисты видят в жизни Церкви не действие Святого Духа, а вполне стихийное, а потому несовершенное человеческое развитие, подобное роению пчел или разделению стада обезьян при появлении нового самца-лидера. Использование аналогий кощунственно и неуместно, когда речь идет о Церкви — Невесте Христовой! Отсюда рождается обновленчество, стремящееся реформировать «больную Церковь». Однако недаром Святые Отцы унаследовали от апостолов соборный девиз: *Изволися Святому Духу и нам* (Деян. 15, 28), тогда как экуменисты явно потеряли дар различения духов (1 Кор. 12, 10).

Признать сродство учений эволюционизма, гуманизма и экуменизма в их триединстве было бы весьма полезно тем, кто твердо убедился в губительности хотя бы одного из этих антихристовых соблазнов, предлагаемых человеку в наши последние времена.

Действительно, эволюционизм лжет, в частности, тогда, когда учит, что человек по плоти подобен другим животным видам. Иначе учил апостол Павел: *Не всяка плоть та же плоть, но ина убо плоть человеком, ина же плоть скотом, ина же рыбам, ина же птицам* (1 Кор. 15, 39). Именно так согласно понимают этот вопрос все Святые Отцы. Также вынуждена признать это и честная наука, не знающая ни одного факта образования нового вида флоры или фауны из старого.

Уместно будет вспомнить суждение об ученых-эволюционистах святителя Феофана Затворника: «Нагородили они себе множество мечтательных предположений, возвели их в неопровержимые истины и величаются тем, полагая, что уж против них и сказать нечего. На деле же они так пусты, что и

говорить против них не стоит. Все их мудрования — карточный дом; дунь, и разлетятся. По частям их и опровергать нет нужды, а достаточно отнестись к ним так, как относятся к снам. Говоря против снов, не доказывают несообразности в составе или частях сна, а говорят только: это сон — и тем все решают. Точно такова теория образования мира из туманных пятен, с подставками своими — теорией произвольного зарождения и дарвиновского происхождения родов и видов и с его же последним мечтанием о происхождении человека. Все, как бред сонного. Читая их, ходишь среди теней. А ученые — да что с ними поделаешь? Их девиз: не любо — не слушай, а лгать не мешай» [12].

Вне всякого сомнения, православному христианину совершенно не приличествует допускать, будто человек есть продукт эволюции, но надлежит исповедовать, что человек есть Божие творение, несущее в себе образ и подобие Творца. А если это признать за истину, то никакой безбожный гуманизм уже не сможет удовлетворительно описать человека, принявшего дыхание жизни от Самого Вседержителя. Православный, воспитанный на библейском креационистском мировоззрении, никогда не сможет стать последовательным гуманистом.

В равной степени человек, принявший в свете церковного толкования Моисеево свидетельство о Шестодневе, легко воспримет апостольское свидетельство о новом Божием творении — Церкви, проявившейся в день Пятидесятницы. А тот, кто уверовал в Единую Апостольскую Церковь, никогда не сможет принять ложь экуменизма.

Православная богословская мысль высказала принципиальное отношение к экуменизму. Архиепископ Серафим (Соболев) на Московском Всеправославном Совещании 1948 года дал ему такую духовную оценку: «Здесь — отступление от православной веры, предательство и измена Христу, чего всячески мы должны избегать...» [13]. В Резолюции того же Совещания главы и представители Православных Церквей отметили, что экуменизм «умаляет христианское вероучение до той лишь веры, которая, по слову Апостола, доступна и бесам» [14]. Созвучно с этими суждениями высказался в 1972 году Александрийский Патриарх Николай VI: «Я осуждаю экуменизм, и считаю его не просто ересью, а пан-ересью — вместилищем всех ересей и зловерий. Нам хорошо известны антихристианские силы, закулисно управляющие экуменизмом... Экуменизм направлен против

Православия. Он представляет сегодня самую большую опасность, наряду с неверием нашей эпохи, обожествляющим материальные привязанности и удовольствия»¹⁵.

Мы видим, что, осуждая экуменизм, Александрийский Патриарх сопоставляет его с неверием и материальными привязанностями, которые выражаются прежде всего в принципах гуманизма и эволюционизма. Для антиэкумениста вполне естественно быть противником гуманизма, поскольку пресловутый гуманистический принцип приоритета общечеловеческих ценностей господствует в обоих течениях.

Безбожный гуманизм, как никакое другое учение, воспринял в себя обольщение змея-искусителя: *будете яко божи* (Быт. 3, 5) – и возвел эти слова в основополагающий принцип. Но гуманизм не смог бы существовать, если бы не опирался на идеологию эволюционизма. Отрицая первопричину бытия в Боге, приходится искать ее в материи — а здесь эволюционизм становится для гуманистов единственным прибежищем. Невозможно отрицать гуманизм, признавая справедливым эволюционизм. Если же идеология гуманизма будет отброшена нами как противная христианству, экуменизм тотчас предстанет голым королем, поскольку в гуманизме его единственное прикрытие.

Переубедить еретиков вряд ли возможно. Это становится тем труднее сделать, что последнее время они, вдохновленные дьяволом, стали все чаще скрываться за вывеской Православия — «православные эволюционисты», «православные гуманисты», «православные экуменисты». Они оснащены мощным арсеналом научных, философских и богословских концепций. Одного у всех них не хватает: веры в Божественное Откровение и стояния в святоотеческой традиции. Православным же христианам — антиэволюционистам, противникам экуменизма и гуманизма — остается со всей Церковью воспеть псалом царя Давида: *Сии на колесницах и сии на конех, мы же во Имя Господа Бога нашего призовем* (Пс. 19, 8).

30.06.2014

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихомиров Л.А. *Религиозно-философские основы истории*. М., 1997. С. 147.
2. Ефрем Сирийский, прп. *Толкование на книгу Бытия // Творения. Сегиев Посад*. Т. 6. С. 210—211.
3. *Шестоднев против эволюции. В защиту святоотеческого учения о творении*. М., 2000.
4. Василий Великий, свт. *Беседы на Шестоднев*. Свято-Троице Сергиева лавра. 1900. Ч. I. С. 33, 70, 107.
5. Иустин (Попович), архим. *Православная Церковь и экуменизм*. М., 1997. С. 104.
6. Тихомиров Л.А. *Указ.соч.* С. 117.
7. Иустин (Попович), архим. *На богочеловеческом пути*. СПб., 1999. С. 187—188.
8. Моррис Генри. *Сотворение и современный христианин*. М., 1993.
9. Иустин (Попович), архим. *Православная Церковь и экуменизм*. С. 157.
10. Серафим (Роуз), иером. *Православный взгляд на эволюцию // Приношение православного американца*. М., 1998. С. 515.
11. *Православие и экуменизм*. М., 1999. С. 190.
12. Феофан Затворник, свт. *Мысли на каждый день по церковным чтениям из слова Божия*. М., 1991. С.181.
13. Серафим (Соболев), архиеп. *Надо ли Русской Церкви участвовать в экуменическом движении? // Разорвать экуменическое кольцо*. М., 1998. С. 80.
14. *Православие и экуменизм*. С. 190.
15. Серафим (Алексиев), архим., Сергей (Язаджиев), архим. *Почему православному христианину нельзя быть экуменистом?* СПб., 1992. С. 170.

Источник:

http://www.inform-relig.ru/publication/detail.php?ID=8122&spphrase_id=1100309